

ЗИГМУНТ БАУМАН

Город страхов, город надежд¹

Новизна нашего времени состоит в том, что периоды сжатых и ускоренных перемен, именуемые «революциями», больше не являются «прерываниями рутины». Они больше не являются краткими интервалами, отделяющими друг от друга «обустроенные» эпохи, эпохи относительно стабильных, повторяющихся форм жизни, которые делают возможными долгосрочные предсказания, планирование и построение сартровских «жизненных проектов». Мы живем сегодня в состоянии перманентной революции. Революция — это форма жизни сегодняшнего общества. Она стала его нормальным состоянием.

Общепризнано, что на всем протяжении своей истории города были площадками непрерывных и стремительных изменений; и поскольку именно в городах зарождались изменения, способные перевернуть все остальное общество, эти изменения возникали неожиданно и заставляли людей врасплох. Но, как замечает Эдвард Со́я, один из наиболее проницательных и оригинальных аналитиков городской сцены,² в последнее время городам удается поражать современников сильнее, чем когда-либо прежде. В последние три-четыре десятилетия «почти все крупные (и не очень) области крупных городов пережили драматические изменения, подчас насколько значительные, что сегодня почти невозможно узнать вещи, существовавшие тридцать лет тому назад». Изменения настолько глубоки, а темп изменений настолько стремителен, что мы с трудом верим своим глазам, отыскивая дорогу посреди некогда знакомых мест. Но еще меньше мы смеем полагаться на наши суждения о том, к чему, в конечном итоге, придут города, в которых мы проживаем или которые мы посещаем: «Невозможно с уверенностью утверждать, что произошедшее с городами в конце XX века было началом революционных изменений, а не всего лишь еще одним незначительным поворотом в старой повести о городской жизни».

¹ Zygmunt Bauman, *City of Fears, City of Hopes*. London: Goldsmith's College, 2003.

² Edward W. Soja, *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*, Blackwell 2000, p. XII.

Но не всех авторов понимают такие предостережения. Некоторые (слишком многие) неспособны устоять перед соблазном участия в опасном деле прогнозов, и они предсказуемо сосредотачиваются на самых последних, самых непроверенных, самых причудливых и, вследствие всего этого, самых впечатляющих перекосах в городской жизни. Писать пророчества несложно, и они выглядят тем более правдоподобными, когда они обращаются к одному избранному «определяющему город» фактору, пренебрегая всеми остальными аспектами известной своей сложностью общественной жизни. Наиболее популярной темой таких «однофакторных» прогнозов был ускоряющийся темп изменений, поддерживаемый и стимулируемый экспоненциальным ростом передачи информации. Бесспорная новизна и стремительность «информационной революции» побудила многих аналитиков выступить с громкими заявлениями об исчезновении «города, каким мы его знаем», его замене совершенно новой пространственной формой человеческого общежития или его полном исчезновении. Некоторые авторы говорят, что ортодоксальная «пространственная специализация» городского пространства утратила свой смысл и уходит в прошлое, поскольку дома становятся продолжениями офисов, магазинов и школ и берут на себя большинство их функций, ставя тем самым под вопрос их будущее. Наиболее радикальные пророки объявили о вступлении городов в последнюю фазу своей истории. В 1995 году Джордж Джилдер провозгласил неизбежную «смерть города» (города, понимаемого в качестве бесполезного «остатка индустриальной эпохи»), а два года спустя Питер Гордон и Гарри В. Ричардсон заявили о том, что сама близость «становится избыточной», указав на неизбежное исчезновение концертных залов и школьных зданий: «город будущего нельзя будет назвать компактным».³ Более осторожные наблюдатели разумно избегали опьянения новинками, поверхностных экстраполяций якобы непреодолимых тенденций и панглоссовских и кассандровских крайностей в суждениях. Но в таких случаях пророчества приобретали пифический привкус, как в дилемме, озвученной Стивеном Грэмом и Саймоном Марвином: «Столкнутся ли наши города с неким электронным реквиемом, неким кошмарным будущим распада и поляризации в духе “Бегущего по лезвию бритвы”»? Или они смогут стать источниками экономических, социальных и культурных инноваций в новых электронных средствах коммуникации?»⁴ Какими бы осторожными или опрометчивыми, радикальными или неоднозначными, фанатичными или скептическими ни были прогнозы, не было ни одного прогноза, который не был бы от-

³ Цит. по: Mitchell L. Moss and Anthony M. Townsend, 'How Telecommunications Systems Are Transforming Urban Spaces', in: James O. Wheeler, Yuko Aoyama and Barney Wharf (eds.), *Cities in the Telecommunications Age: The Fracturing of Geographies*, Routledge 2000, p. 30–32.

⁴ Stephen Graham and Simon Marvin, 'Urban Planning and the Technological Future of Cities', in *ibid.*, p. 72.

брошен другими авторами как мертворожденный — и отвергнут ими сразу же, как он был записан в электронном виде на компакт-диск.

Думаю, уже достаточно сказано, чтобы согласиться с тем, что острота оправданна, и понять мое нежелание участвовать в очередной игре с предсказаниями. Видя проблески будущего, которого пока еще здесь нет, всегда остается соблазн, перед которым сложно устоять, но и вдумчивые, и поверхностные и наивные наблюдатели по-прежнему могут попасться в старую предательскую ловушку. Когда мне хочется, чтобы во время напряженной сессии студенты немного расслабились, я советую им для отдыха и развлечения почитать «футурологические исследования» двадцати- или тридцатилетней давности. Этот метод должен немного развеселить их, а также помочь выработать иммунитет к подобным неблагоприятным занятиям. Принимая во внимание историю прошлых пророчеств, предсказаний и прогнозов, похожую на жуткую кунсткамеру, наполненную двухголовыми телятами, бородатыми женщинами и другими подобными уродцами и забавными диковинами, нежелание прибавлять еще одного уродца в и без того до отказа набитое жилище может оказаться вполне простительным.

Города как общежитие незнакомцев

Город и социальные изменения — почти синонимы. Изменения — это изменения качества городской жизни и формы городского существования. Изменения и город действительно могут определяться друг через друга. Но почему это так? Почему это должно быть так?

Города принято называть местом, где встречаются незнакомцы, где они остаются вблизи друг друга и где они взаимодействуют друг с другом на протяжении долгого времени, не переставая при этом оставаться незнакомцами.

Чужаки — вещь не новая, но незнакомцы, которые остаются незнакомцами в течение долгого времени и даже всегда, появились в эпоху Нового времени. В типичных досовременных городах или деревнях чужакам не позволялось оставаться чужими на протяжении долгого времени. Одних изгоняли и не впускали обратно через городские ворота. С теми, кто желал и кому разрешали прийти и остаться на более длительное время, обычно «знакомились» лично — подробно расспрашивали и быстро «одомашнивали», — так что они могли влиться в сеть отношений, уже созданную жителями города. Это имело свои последствия, поразительно отличавшиеся от процессов, знакомых нам из опыта современных, переполненных и плотно населенных городов.

Как отмечал наиболее проникательный критик городской жизни Льюис Мамфорд,⁵ на конкретной базарной площади, вокруг которой

⁵ Lewis Mumford, *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*, Harcourt Brace Jovanovitch 1961, p.413.

строился средневековый город, «конкретные товары переходили из рук в руки видимых продавцов и покупателей, которые придерживались одних и тех же моральных норм и встречались более или менее на одном уровне: здесь безопасность, справедливость и стабильность были важнее прибыли, а личные отношения, устроенные таким образом, могли длиться всю жизнь или даже оставаться неизменными на протяжении нескольких поколений». Обмен на «конкретной базарной площади» был мощным средством укрепления и поддержания человеческих уз. Можно сказать, что это было одновременно лекарством от незнакомства и профилактикой против отчуждения. Но из того, что известно нам о своеобразии городской жизни, именно обилие незнакомцев, постоянных незнакомцев, «вечных незнакомцев» делает города благоприятной средой для изобретений и нововведений, рефлексивности и самокритики, неудовлетворенности, несогласия и стремления к лучшему. Отсюда следует, что гомеостатическая рутина самовоспроизводства, которая, согласно мамфордскому описанию, была встроена в досовременный город, служила действенным тормозом, препятствовавшим изменениям. Она снимала значительную неопределенность, присущую человеческим взаимодействиям, и потому также служила мощным стимулом для разрешения старых проблем, постановки новых, экспериментирования, импровизации и бросания вызова устройству, которое притязало на авторитет в силу своей древности или мнимой вечности. Это качество досовременных городов очень важно для объяснения инерции и застоя, неизбежно очевидных при сравнении их с опытом жизни в современных городах.

Увеличение численности и плотности — вот первый ответ, который приходит в голову, когда встает вопрос о том, почему гомеостатический механизм монотонного самовоспроизводства и самоуравновешивания, в конечном итоге, перестал работать. Преодоление потенциальной угрозы нарушения рутины, неопределенности и выведения из равновесия при помощи «знакомства» с незнакомцами, персонализации безличного и доместикиции чуждого невозможно, когда количество незнакомцев, с которыми необходимо познакомиться и которых нужно индивидуализировать, превосходит возможности человеческого восприятия и памяти.

Современный город как массовая индустрия незнакомцев

Разрастание городов, вызванное частично, но только частично, неожиданной перенаселенностью сельской местности (вызванной, в свою очередь, новыми способами ведения сельского хозяйства и отношениями собственности), сделало бесполезными старые уловки. Но не менее важным и, возможно, даже более плодотворным, было появление капиталистического предприятия, стремившегося вытеснить и вовсе упразднить досовременный корпоративный порядок ремесленных цехов, му-

ниципалитетов и приходов. Старое корпоративное устройство больше не позволяло «знакомиться», поглощать и ассимилировать множество вновь прибывших. Новое капиталистическое устройство, вовсе не поглощая, ассимилируя и одомашнивая незнакомцев, нарушало привычные связи и тем самым делало незнакомым знакомое. Капитализм был массовым производством незнакомцев. Это сделало взаимное отчуждение нормальной и почти универсальной формой отношений между людьми. Как сетовал Томас Карлейль, он сделал «деньги», «денежную связь» единственной допустимой и желанной формой человеческих уз.

Когда капиталистические предприниматели восстали против «иррациональных ограничений» и «мертвой руки традиции», которая прочно удерживала человеческую инициативу, они восстали, прежде всего, против толстого слоя освященных веками взаимных уз и обязательств, плотно покрывавшего человеческие отношения. Они боролись с сохранением человеческих отношений под бдительным оком совместно принятых этических принципов и помещения соображений безопасности, справедливости и стабильности над расчетами выгоды и издержек и другими предписаниями экономического разума. Они также выступали против корпораций, которые более или менее действительно охраняли этические правила и приоритеты, предполагаемые и продвигаемые этими правилами. «Освобождение предпринимательства» означало разрушение стального панциря этических уз и обязательств, которые не позволяли способностям предпринимателей раскрыться в полной мере, избавление от внешних ограничений.

Мамфорд отмечает показательные изменения значения слова «свобода», которые произошли, когда в эпоху Нового времени капиталистические предприниматели взяли на себя роль основных борцов за свободу:⁶ «в эпоху Средневековья “свобода” означала свободу от феодальных ограничений, свободу для корпоративной деятельности муниципалитета, цеха, религиозного ордена. В новых торговых городах или *Handelstädte* свобода означала свободу от муниципальных ограничений; свободу для частных инвестиций, частной выгоды и частного накопления без отсылок к благосостоянию сообщества в целом...». Чтобы ослабить и подрывать местные авторитеты, которые имели слишком сильную этическую мотивацию для того, чтобы отвечать потребностям и амбициям предпринимателей, им необходимо было разрушить местную автономию и самодостаточность. Для этого нужно было подорвать «всю структуру городской жизни», что и было сделано. Вкратце описывая последствия превращения досовременного города в капиталистический город, Мамфорд замечает: «теперь каждый человек жил для себя, а Дьявол, если он и не изобрел города, то во всяком случае приберет для себя привилегию их строительства».⁷

⁶ *The City in History*, p.415.

⁷ *The City in History*, p.440.

Макс Вебер связывал рождение современного капитализма с отделением собственного дела от домашнего хозяйства. Домашнее хозяйство, сочетавшее в себе мастерскую и семейное жилище, сплетало между собой множество межличностных прав и обязанностей, которые сплачивали досовременное (и докапиталистическое) городское сообщество, поддерживаемое, контролируемое и оберегаемое соблюдаемой всеми традицией. Для новой породы готовых к риску капиталистов отделение и отдаление от «домашнего хозяйства» было равнозначно освобождению от тщательно проработанных правил и писаных или обычных норм; оно освобождало руки и открывало для свободных от правил предпринимателей новое, девственное пространство, в котором они больше не были связаны ограничениями, инициатива не знала пределов, традиционные правила переставали действовать, а логика этических обязательств должна была смениться порядками, лучше всего отвечающими «деловой логике».

На практике такое отделение можно было осуществить только двумя путями. Первым было освоение «безлюдных» (в буквальном смысле) земель, позволявшее выйти за границы существующих муниципалитетов, которые управлялись обычаями общины, и найти участок земли, свободный от памяти, традиции и общезначимых смыслов. Другим путем было сравнение с землей старых кварталов города; создание черной дыры, в которой пропадали старые смыслы — сначала из виду, а потом и из памяти, — и заполнение пустоты совершенно новой логикой, не связанной заботой об обеспечении преемственности и всего, что с ней связано.

Оба пути были испытаны в городах, которым довелось оказаться на извилистом пути «пыхтящей, лязгающей, свистящей, дымящей» безжалостной силы промышленности. Такие города выходили за свои вековые границы и продолжали безудержно расти, пытаясь догнать заводы, которые стремились избежать навязчивого внимания муниципалитетов и окопаться вовне. Их население росло по мере того, как жители деревень и небольших городов, лишаясь средств к существованию, наводняли их в поисках работы. Переживавшие индустриализацию города оказались в вихре бесконечных изменений: старые и знакомые кварталы исчезали и заменялись новыми, которые выглядели слишком странно и были слишком недолговечными, чтобы смешаться с привычным городским ландшафтом.

Мамфорд называл такие несчастные места «палеотехническими городами». Их облик, звуки и запахи, форма управления (или неуправляемость) и организации (или дезорганизации) их повседневной жизни, оскорбляла чувства людей и противоречила самым элементарным представлениям о справедливости и благопристойности. Улицы были забиты мусором и нечистотами, пока один находчивый предприниматель не решил собирать их для последующей продажи в качестве удобрений (в середине XIX века в Манчестере был всего один туалет

на 218 рабочих, проживавших в городе...). И все же, по крайней мере с точки зрения капиталистических предпринимателей и тех умников, которые вывели из их практики теоретические законы экономики, «в палеотехнических городах не было никаких проблем с жильем. Даже самый плохо оплачиваемый рабочий мог снять жилье, в соответствии со своими доходами, если никакие внешние стандарты, связанные со здравоохранением и безопасностью, не накладывали ограничений на свободную игру экономических сил. Если в результате возникали трудности, то появлялось оправдание трудности, а не осуждение системы получения наживы».⁸

Но «внешние стандарты» неизбежно должны были быть введены, пусть и постепенно, частично, и не без жесткого противодействия основателей предприятий, отстаивавших их интересы экономистов и других глашатаев эффективности, рационального расчета и деловой сметки. Города, в том числе палеотехнические, не могли постоянно оставаться на землях «фронта». На «ничейных землях», в конечном итоге, вновь устанавливался закон или, пусть грубая и произвольная, но все же мораль, хотя война была длительной и прежде, чем наступило окончательное «успокоение», было проиграно немало сражений. Национальным государствам, которые сами были изобретениями Нового времени, потребовался весь XIX и значительная часть XX века, чтобы отвоевать и освоить территорию, вырванную из рук местного сообщества промышленностью и торговлей, которые установили на ней свои правила игры и крайне болезненно реагировали на любые попытки вмешательства — старые и остаточные или новые, складывающиеся.

“Успокоение” эпохи “твердой современности”

Города XIX столетия были полями сражений полностью противоположных тенденций и иерархий ценностей. Одна иерархия ставила во главу угла расчет выгоды и результатов, прибыли и потерь, доходов и расходов. Другая отдавала приоритет стандартам человечности и исходному праву человека на достойную жизнь и приемлемые условия, необходимые для такой жизни. Сторонники первой иерархии отказывались учитывать социальные издержки предпринимательской деятельности; сторонники второй иерархии отвергали высшую ценность экономических расчетов при разрешении проблем человека и общества.

Эти две иерархии противостояли друг другу и были внутренне несовместимы. Принимая во внимание зависимость политических правителей от поддержки их избирателей и зависимость предпринимателей от постоянного притока прибыли, сторонники обеих этих иерархий

⁸ Lewis Mumford, *The Culture of Cities*, New York 1938, pp. 265, 176.

не могли просто взять и отречься от своих постулатов или поступиться своими принципами. При этом сторонники этих двух иерархий не могли всерьез рассчитывать на безоговорочную капитуляцию противника или даже желать ее. Бизнес нуждался в политическом государстве для того, чтобы иметь работающий общественный порядок; большинство предпринимателей понимали, что социальное опустошение, к которому могла привести безудержная жажда наживы, если не возмещать — частично или полностью — причиняемый им ущерб, могло поставить под угрозу само существование такого порядка. С другой стороны, правители государства сознавали, что они могут предъявлять к предпринимателям только ограниченные требования, не ставя при этом под угрозу благосостояние своих избирателей. Ни одна сторона не могла выйти из противостояния полным и безоговорочным победителем. Ни о каком безусловном согласии, не говоря уже о консенсусе, не могло быть и речи. Ни одни из сторон не могла всерьез рассчитывать на добровольное принятие другой стороной правил и принципов, милых ее сердцу. Путь к «успокоению» пролегал через конфронтацию и бесконечную борьбу между экономическим принуждением и соблюдением законов. Долгосрочная стратегическая цель носителей «внешних стандартов», по сути, сводилась к главенству политики над экономикой и политических решений над действиями, продиктованными деловыми интересами.

Шаг за шагом, сражение за сражением, наступило «успокоение». Путь к нему пролегал сквозь длинную череду фабричных законов и биллей, наделявших профсоюзы и городские власти более широкими полномочиями. Оно завершилось с созданием более или менее сложной сети коллективного страхования от индивидуальных бед и несчастий (безработица, плохое здоровье, нетрудоспособность, бедность), которая вошла в историю под именем «государства всеобщего благосостояния». То, что это «успокоение», наконец, было достигнуто, а затем — после того, как оно было достигнуто, — и сохранено, ретроспективно кажется «сверхдетерминированным»; на самом деле оно было предопределено невозможностью безусловной победы одного из этих двух противников. Оно действительно было «сверхдетерминировано», поскольку обе стороны занимали одну и ту же территорию и вели борьбу по одним и тем же вопросам. Оба противника были привязаны к территории, к земле; они не могли просто так уйти. Они обречены были встречаться снова и снова, проживая на одной территории и определяясь ею.

В конце концов, это была эпоха «твердой» современности, когда способность делать определенные вещи и принуждать или поощрять других к подчинению или, по крайней мере, к отказу от сопротивления оценивалась размерами, весом, объемом и прочностью владений. Мощь экономики в целом оценивалась объемами добываемого угля и выплавляемой стали, а мощь отдельных «капитанов индустрии»

размерами их фабрик, производительностью оборудования и количеством рабочих, собранных в цехах заводов. Из-за этой территориальной привязанности это было также временем постоянного — лицом-к-лицу — непосредственного наблюдения и взаимодействия; эпохой управления, строившегося сверху вниз, посредством рутины и повторяемых действий — короче говоря, эпохой обязательств. Обязательства были взаимными, связывавшими обоих партнеров, которые, как предполагалось, должны были оставаться вместе и в горе, и в радости, пока смерть не разлучит их. В XIX веке развод был таким же сложным, как и брак, а односторонний развод — практически невыносимым, потому что в этом случае ни один из партнеров не имел больших шансов на выживание.

Обязательство оставаться вместе на протяжении долгого времени предвещало продолжительный и серьезный конфликт. Конечно, постоянно возникали разногласия; иногда для их разрешения нужна была открытая борьба, так что каждый участник вынужден был соблюдать правило *si vis pacem, para bellum*. Но перспектива общей судьбы означала также потребность во взаимной притирке и компромиссе, единственной и — горькой — альтернативой которым была всеобщая война. Никаких простых «денежных отношений» не было бы, если все население города — и те, кто работал на заводе, и те, кто оставался за его стенами, — не составляло «армию труда», когда первые находились на службе, а вторые — в запасе, ожидая — при необходимости — призыва в ее ряды: нужно только было быть признанным «годным» для несения тягот труда в промышленности, т.е. не быть ни истощенным, ни больным.

Кроме того, жизнь в непосредственной близости означала, что бедность, кто бы от нее непосредственно ни страдал, могла перекинуться на всех остальных. Если надзиратели и поднадзорные, хозяева и обслуга, руководители и подчиненные были привязаны к одному городу, упадок какой-то одной части городской территории неизбежно и пагубно сказался бы на остальных. Эпидемии, распространяющиеся из трущоб, могли захлестнуть также и самые богатые кварталы города, а преступность, вызванная отчаянием и гнездящаяся в неблагополучных районах и на злых улицах, представляла угрозу для всех горожан. Затраты на приведение в порядок городов, уборку трущоб, очистку воды, создание канализации и санитарии, вывоз мусора, дешевое, но все же пристойное жилье для семей бедняков и т.д., может, и выглядели бессмысленными с точки зрения бизнеса, но ни один предприниматель в здравом уме не стал бы отрицать, что эти вложения были очень важны для него самого и его семьи как жителей городского пространства, которое в результате всех этих мер должно было стать более благоприятным для жизни. Пользуясь модным сегодня выражением, можно сказать, что идея о том, чтобы сделать города подходящими для достойной жизни — для достойной жизни всех их обитателей, —

постепенно, но неизбежно перестала волновать одних только редких мечтателей, филантропов и добросердечных реформаторов и превратилась в проблему, которая касалась по-настоящему всех, — «по ту сторону левых и правых».

На протяжении всей своей современной истории в городах неизбежно происходило нарушение (а также пересмотр, отмена, повторное установление, оспаривание, поиск, похороны и воскрешение) временного «успокоения» или, скорее, «примирения» противоречивых интересов, амбиций и сил. В этом отношении ничего не изменилось. Объяснение развития города одним-единственным фактором (город как торговый центр, административная столица, военная база, религиозный центр и т.д.) — это привычка, сохраняющаяся еще с тех времен, когда Макс Вебер предложил типологию «порождающих города факторов»;⁹ но она не позволяет объяснить удивительную динамику, изгибы и повороты и упрямую непредсказуемость городской истории. Теперь, как и прежде, городское пространство является местом встречи — и полем битвы — противостоящих сил и несовместимых, но все же притирающихся друг к другу тенденций. Отличие же от только что кратко описанной «твердой» фазы современности заключается в составе борющихся/договаривающихся сил или поиске путей к «успокоению».

В поисках “успокоения” для эпохи “текучей современности”

Природа этих сил все еще вызывает споры, хотя большинство исследователей и аналитиков современной городской сцены сходится в том, что основным фактором изменений является складывающаяся глобальная экономика. Влияние глобализации, на которое указывают чаще всего, причем нередко в ущерб другим факторам, состоит в быстром росте разрыва между властью/силой (все более глобальной и циркулирующей в «виртуальном» или «кибер-» пространстве, и вследствие этого независимой от географического, физического пространства) и политикой, которая остается, как и в прошлые столетия, локальной, привязанной к территории, немобильной. Как однажды заметил Мануэль Кастельс,¹⁰ «потоки власти производят власть потоков, материальная реальность которых начинает казаться естественным явлением, неуправляемым или непредсказуемым... Люди живут на местах, власть правит посредством потоков». Заострю: власть правит, потому что она текуча, потому что она способна (никогда нельзя

⁹ Max Weber 'The Nature of the City', first published in 1921 in *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, here quoted after Max Weber, *The City*, edited and translated by Don Martindale and Gertrude Neuwirth, Free Press 1958.

¹⁰ Manuel Castells, *The Informational City: Information, Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process*, Blackwell 1989, p.349.

забывать об этом!) течь — утекать. Превосходство власти состоит сегодня в способности отделяться — способности, которой явно не хватает территориально определенным местам и людям, чья жизнь ограничивается такими местами.

Это кажется почти бесспорным. Становится все более очевидно, что растущая экстратерриториальность власти и усиление корреляции между экстратерриториальностью и властью (и степень экстратерриториальности становится основным мерилем могущества) служат именами новых международных игр и самым важным из факторов, подготавливающих почву для человеческой деятельности и устанавливающих ее пределы. Спорным вопросом, вызывающим множество разногласий, является воздействие, которое новое отделение (глобальной) власти от (локальной) политики оказывает, может оказать или окажет на городскую жизнь и ее перспективы.

Наиболее распространенный ответ на этот вопрос, впервые предложенный Мануэлем Кастельсом,¹¹ состоит в росте поляризации и разрыве коммуникации между жизненными мирами двух категорий городских жителей: «Пространство высшего слоя обычно связано с глобальной коммуникацией и обширной сетью обмена, открытой к посланиям и событиям, которые охватывают весь мир. На другом конце спектра сегментированные локальные сети, зачастую имеющие этническую основу, считают своим главным ресурсом идентичность, отстаивая свои интересы и, в конечном счете, саму свою суть». Из этого описания возникает картина двух отдельных и обособленных жизненных миров. Только второй из них территориально ограничен и может быть пойман в сети ортодоксальных, географических, мирских и «земных» представлений. Жители первого мира могут, как и все остальные, находиться «на месте», но они не принадлежат ему — разумеется, духовно, но нередко, когда у них возникает такое желание, и телесно.

Люди «высшего слоя» явно не принадлежат месту, в котором они проживают. Мысленно они находятся (или, скорее, плавают) в другом месте. Можно предположить, что, помимо того, что их никто не трогает, что они вольны сами распоряжаться своим временем и что они гарантированно получают услуги, необходимые для (все же определенного) жизненного комфорта, у них нет никаких иных интересов в городе, где находится их место жительства. Городское население не является для них своеобразным «пастбищем», источником богатства или объектом опеки, заботы и ответственности, каким оно было для владельцев фабрик и торговцев товарами и идеями прошлого. Поэтому их, вообще говоря, не беспокоят дела «их» города — это просто одно место из множества других, а все они несущественны с точки зрения киберпространства, их подлинного, хотя и виртуального, дома.

¹¹ *The Informational City*, p.228.

Жизненный мир второго, «низшего» слоя городских жителей полностью противоположен жизненному миру первого. Он определяется, прежде всего, оторванностью от международной сети коммуникации, с которой связан «высший слой» и на который ориентирована вся его жизнь. Они «обречены оставаться локальными», поэтому можно и нужно ожидать, что их внимание, полное неудовлетворенности, грез и надежд, будет приковано к «локальным вопросам». Для них борьба за выживание и достойное место в мире начинается, ведется, проигрывается или выигрывается в городе, в котором они живут.

Можно долго говорить об этой картине. Она схватывает важную тенденцию современной городской жизни (и человеческой жизни, поскольку, как предсказывал Мамфорд, в нашей истории мы двигались от города, который был миром, к миру, который является городом). Сецессия новой глобальной элиты от «народа» и все более широкая пропасть между средами обитания «отделившихся» и «оставшихся» являются, возможно, самым важным социальным, культурным и политическим разрывом, связанным с переходом от «твердой» к «текучей» стадии современности.¹² В этой картине много правды и ничего, кроме правды. Но не вся правда. И важнее всего для нас, что та часть правды, которая оказалась опущенной или преуменьшенной, как раз и объясняет самую насущную (и, вероятно, в долгосрочной перспективе способную привести к самым серьезным последствиям) черту современной городской жизни.

Этой чертой является тесное взаимодействие между давлением глобализации и способом, которым устанавливаются, формируются и реформируются идентичности конкретных мест. Большая ошибка — помещать «глобальный» и «локальный» аспекты современной жизни и политики в двух различных пространствах, которые сообщаются между собой только в незначительной степени, о чем, в конечном итоге, свидетельствует «(само)устранение» «высшего слоя». В своем недавно опубликованном исследовании Майкл Питер Смит¹³ выступил против идеи (отстаиваемой, как он полагает, Дэвидом Харви и Джоном Фридменом), которая противопоставляет «динамичную, но не связанную с местами логику глобальных экономических потоков» «статичному образу места и локальной культуры», «теперь ценимой» как «местопребывание» «бытия-в-мире». По мнению самого Смита, вовсе не отражая статическую онтологию «бытия» или «сообщества» места представляют собой динамичные конструкции, находящиеся «в процессе создания».

¹² О текучей (или «программной» [‘software’]) современности и ее отличии от твердой (или «аппаратной» [‘hardware’]) формы см.: Зигмунт Бауман, *Текучая современность* (СПб.: Питер, 2007).

¹³ Michael Peter Smith, *Transnational Urbanism: Locating Globalization*, Blackwell 2001, pp.54–5.

На самом деле линию, отделяющую абстрактное, «нигдеиное» пространство глобальных операторов от плотного, материального, предельно «здешнего» пространства «локалов», без труда можно провести лишь в эфирном мире теории, в которой запутанное и переплетенное содержание людских жизненных миров «выправляется» так, чтобы его ради пущей ясности можно было поместить в свои строки и ячейки. Реалии городской жизни нарушают такое четкое деление. Изогранные модели городской жизни и гладкие оппозиции, разворачиваемые при их построении, могут приносить большое интеллектуальное удовлетворение создателям теорий, но не слишком полезны на практике тем, кто занимается городским планированием, и еще менее полезны городским жителями, сталкивающимися с вызовами жизни в городе.

Как уже было отмечено ранее, реальные силы, формирующие условия, при которых сегодня приходится действовать всем нам, текут в глобальном пространстве, а наши институты политического действия остаются в общем и целом привязанными к земле; они, как и прежде, локальны. Отсюда следует, что последние неспособны совершать действия, особенно эффективные и суверенные действия, на сцене, где разыгрывается драма политики. Отсюда также следует, что в экстра-территориальном киберпространстве практически нет политики, места для игры сил. В нашем глобализующемся мире политика становится все более горячо и осознанно локальной. Изгнанная из киберпространства или не допущенная в него, она отступает и ограничивается «реальными» и «малыми» делами. Большинству из нас на протяжении большей части времени локальное кажется единственной областью, в которой мы можем на что-то повлиять, что-то изменить, исправить и улучшить. Только в «локальных вопросах» наше действие или бездействие может «иметь значение»; что касается других вопросов, считающихся «надлокальными», то здесь, как не устают повторять наши политические лидеры и другие «знающие люди», «нет альтернативы». Мы начинаем подозревать, что мы не в силах здесь что-либо изменить, принимая во внимание совершенно неподходящие средства и ресурсы, имеющиеся в нашем распоряжении. И потому даже вопросы, имеющие явно глобальные, далекие и неясные корни и причины, политизируются только в своих локальных ответвлениях и проявлениях. Как известно, глобальное загрязнение воздуха или воды становится политической проблемой, когда свалки токсичных отходов или лагеря для беженцев создаются по соседству, у нас «во дворе», близ мест нашего проживания. Прогрессирующая коммерциализация здравоохранения, явно влияющая на острую конкуренцию между транснациональными фармацевтическими гигантами, начинает рассматриваться в политическом ключе только тогда, когда начинают закрываться районные больницы или дома престарелых и психиатрические лечебницы. Жителям Нью-Йорка пришлось справиться с разрушениями, причиненными глобальным терроризмом, а советы и мэры других городов, отвечающие за обеспе-

чение индивидуальной безопасности, выглядят теперь жалкими и уязвимыми перед силами, до которых не может добраться ни один муниципалитета. Глобальное лишение средств к существованию и переселение с привычных мест жительства попадает в горизонт политического действия в виде цветных «экономических мигрантов», наводнивших некогда одноцветные улицы... Чтобы закончить с этим перечнем, скажем, что города стали свалками проблем, имеющих глобальные корни. Жители городов и избранные ими представители столкнулись с задачей, которую не помогут решить никакие усилия воображения, — задачей поиска локальных решений глобальных противоречий.

Отсюда парадокс, отмеченный Кастельсом:¹⁴ «все больше локальной политики в мире структурируется все более глобальными процессами». «В прошлом все имело свой смысл и свою идентичность: мои соседи, мой район, мой город, моя школа, мое дерево, моя река, мой берег, моя часовня, мой мир, моя окружающая среда». «Беззащитные перед глобальной бурей, люди держались друг друга». Отметим, что чем больше они «держатся друг друга», тем более «беззащитными перед глобальной бурей», но также и более беспомощными в решении локальных и, следовательно, своих собственных смыслов и идентичностей они обычно становятся — к вящей радости глобальных операторов, которым незачем опасаться беззащитных. Как намекает Кастельс в другом месте,¹⁵ создание «пространства потоков» создает новую (глобальную) иерархию господства при помощи угрозы разрыва прежних обязательств. «Пространство потоков» способно «избегать контроля в любом месте», — в то время как (и потому что!) «пространство мест фрагментируется, локализуется и становится все более и более бессильным *vis-à-vis* изменчивости пространства потоков, когда единственной возможностью сопротивления на местах оказывается запрет на остановку в них огромных потоков — только затем, чтобы увидеть, что они остановятся поблизости, вызвав тем самым маргинализацию строптивых сообществ». На локальную политику — и особенно городскую политику — теперь возлагают большие надежды; от нее ждут смягчения последствий неконтролируемой глобализации при помощи средств и ресурсов, которые устарели в результате действия самой глобализации.

Но в нашем стремительно глобализующемся мире нет ни одного чистого «глобального оператора». Самое большее, с чем могут управиться представители глобальной и путешествующей по миру элиты, — это с масштабом своей мобильности. Если обстановка становится слишком жаркой, а местность вокруг их городских резиденций оказывается слишком опасной и неуправляемой, они могут перебраться в другое место — это выбор, недоступный другим их близким или не очень соседям. Поэтому

¹⁴ Manuel Castells, *The Power of Identity*. Blackwell 1997, p.61.

¹⁵ Manuel Castells, 'Grassrooting the Space of Flows', in *Cities in the Telecommunication Age: The Fracturing of Geographies*, pp.20–1.

их интерес к городским делам может быть не таким глубоким и безусловным, как у тех, кто менее свободен разрывать обязательства в одностороннем порядке. Но это не значит, что в своем поиске «смысла и идентичности», в которой они нуждаются и которой они жаждут не меньше, чем все остальные, они могут совершенно не обращать внимания на место, в котором они живут и работают. Как и все остальные, они составляют часть городского ландшафта, а их жизненные устремления вписаны в него. Как глобальные операторы, они могут бродить по киберпространству. Но как люди, они перемещаются и останавливаются в физическом пространстве, существующей среде, и постоянно меняются в ходе борьбы за смыслы и идентичности. Происходят накопление и обмен человеческим опытом, смыслы продумываются, усваиваются и пересматриваются на местах. И именно на местах и из мест рождаются человеческие убеждения и желания, исполняются мечты, появляется риск разочарования и — в большинстве случаев — наступает само разочарование.

Современные города — это поля сражений, на которых встречаются, сталкиваются, борются и ищут приемлемого или просто более или менее сносного «успокоения» глобальные силы и упрямо локальные смыслы и идентичности, а формы общежития, на которые возлагаются надежды на прочный и продолжительный мир, как правило, оказываются всего лишь перемирием, паузой для залатывания брешей в обороне и развертывания новых войсковых частей. Именно это противостояние, а не какой-то один фактор, приводит в движение и направляет развитие города «текучей современности». И не будет ошибкой сказать, что это применимо ко всем городам, пусть и не в одинаковой степени. Майкл Питер Смит во время своей недавней поездки в Копенгаген за один час заметил «небольшие группы турецких, африканских и ближневосточных иммигрантов», «несколько арабских женщин в хиджабах и без них», «вывески на разных неевропейских языках» и имел «интересную беседу с ирландским барменом в английском пабе напротив сада Тиволи». ¹⁶ Этот полевой опыт, говорит Смит, оказался полезным в разговоре о транснациональных связях, который он имел в Копенгагене неделю спустя с корреспондентом, утверждавшим, что «транснационализм представляет собой явление, которое относится, скорее, к “глобальным городам”, вроде Нью-Йорка или Лондона, но о котором не может быть и речи в таких более закрытых местах, как Копенгаген».

Город текучей современности, или Где встречаются пространство потоков и пространство мест

Все без исключения города мира испытывают на себе влияние новой глобальной взаимозависимости от всех, пусть и отдаленных, изолированных и периферийных частей мира. Последствия взаимозависимо-

¹⁶ *Transnational Urbanism*, p.108.

сти могут быть более или менее заметными, проявляться молниеносно или с запозданием, но ни одно место на самом деле не защищено от их вторжения. Сегодня стало модно говорить о «множественных современностях», но в одном важном отношении все современности удивительно схожи: в своей уязвимости перед глобальной взаимозависимостью. Не так давно, говоря об искусстве Латинской Америки — части света, которую нередко считают «отдельным континентом», развивающим собственную версию современной жизни, несмотря на унифицирующее влияние глобализации, — Маргарита Санчес Прието заметила, что оно «отражает новую культурную атмосферу или обстановку, которая формирует повседневную жизнь: повседневный опыт, отличающийся ростом заботы о своей частной жизни... и распространением стиля жизни, пронизанного соблазном и апатией. Все это характерные продукты рыночной экономики и консюмеризма, а также вдыхания новой жизни в настоящее вследствие ослабления телеологического представления о прогрессе и веры в будущее...».¹⁷ То же самое можно сказать о произведениях искусства, выставляемых в Музее современного искусства «Метрополитен», в галерее Тейт, в Луизиане или в Шарлотенбурге...

В противостоянии «пространства потоков» и «пространства мест» ни один из этих противников не может притязать на главенство и изначальность и ни один из них не может быть объявлен чуждым или надуманным. Вопреки распространенному мнению, локально закрепленные смыслы и идентичности не являются «подлинной реальностью» города, которую поражает, искажает или разъедает раковая опухоль безродной «транснациональности». Их битва — это не временное состояние, из которого, в конечном итоге, выйдет один победитель. Другие войны, может, и могут завершиться победой одной стороны, в результате которой победитель становится единоличным хозяином поля битвы с изгнанием поверженного противника, но это вряд ли возможно в городском противостоянии двух тесно взаимосвязанных измерений текуче-современной жизни. Ни одно из этих двух пространств не может выжить самостоятельно. Оба могут жить только во взаимной связи друг с другом. «Пространство потоков» нуждается в своем явном противнике — «пространстве мест», — удовлетворяющем его потребности, которые оно не способно удовлетворить самостоятельно. В конце концов, оно обязано своей силой решительному отказу заботиться о таких потребностях. «Пространство мест» нуждается в своем признанном противнике — «пространстве потоков», — чтобы притягивать, впитывать и удерживать непрерывный приток человеческих страстей, его жизненные соки. В конце концов, оно обязано своей неизменной привлекательностью и, следовательно, пополнением своих сил потребно-

¹⁷ Margarita Sanchez Prieto, 'Escape from Social Utopia: New Art in Argentina and Chile', *Third Text*, Summer 2001, pp.75–84.

сти в отчаянном поиске защиты. Два заклятых врага могут жить только в состоянии сражения; ни один из них не смог бы пережить победу. Ни один из них не смог бы пережить и прекращение вражды, если такое вообще возможно. Какие бы формы ни принимало противостояние между ними, здесь нельзя говорить о войне на истощение.

Большинство перемен, происходящих в настоящее время, невозможно объяснить обращением только к одному из двух взаимосвязанных/соперничающих/взаимодополняющих/сотрудничающих пространств. Изменения возникают в результате взаимодействия между ними, и только в контексте этого взаимодействия их можно понять и с ними можно — можно ли? — совладать. Именно поэтому сторонники какой-то одной силы (локальных интересов или глобальных тенденций) всегда оказываются неспособными предсказать, не говоря уже о том, чтобы контролировать, происходящие перемены. Каждая сила вынуждена считаться с шагами, делаемыми другой, и большая часть собственных инициатив каждой из этих сил будет ответом на гамбит другой стороны. Всестороннее планирование (и особенно долгосрочное всестороннее планирование) будущего города, неизменно бесполезное и иногда даже вредное занятие, кажется сегодня еще более бессмысленным и бесперспективным, чем когда бы то ни было.

Здесь можно воспользоваться терминологией Франца Розенцвейга (хотя она была введена и разработана в ином контексте)¹⁸ и сказать, что для того, чтобы быть осмысленным делом, городское планирование, это призвание городских властей, должно принять стратегию «грамматического», а не «логического» мышления, то есть стратегию, которая, волей-неволей, используется в речи, принимающей форму диалога. Речь «не знает заранее, где именно она закончится. Она берет свои реплики у других. На самом деле она живет благодаря жизни другого — другого, который слушает историю, отвечает по ходу диалога или присоединяется к хору». Противоположная (и глубоко ложная в силу своей очевидной самоубийственности) стратегия состояла бы в том, чтобы действовать подобно «мыслителю, который знает свои мысли заранее». Эта противоположная стратегия обезоруживает и ослабляет того, кто ее использует, перед лицом прерываемости продолжающейся беседы: она делает его неготовым к новым поворотам разговора — пресловутому процессу, в котором «что-то происходит». Нам нужна готовность, а не планы. Нам нужна такая готовность, которая позволяла бы распознавать зарождающиеся вызовы, когда еще можно на них ответить, и совершенные ошибки, когда их еще можно исправить. Такая готовность была бы главной задачей того, что, с подачи Розенцвейга, можно назвать «грамматическим планированием» или «диалогическим планированием»: планированием,

¹⁸ Franz Rosenzweig, *Understanding the Sick and the Healthy: A View of World, Man, and God*, Harvard UP 1999, p. 14.

которое сознает, что оно не может нести ответственность за все и что оно не может позволить себе выбрать одиночество или покой, если оно не хочет лишиться понимания своих целей и объектов и самостоятельно себя выхолостить.

**Безопасность и свобода,
или Ценностная антиномия городской жизни**

Сочетание давления глобализации и территориально-ориентированного поиска идентичности, которое задает и направляет структурное развитие города, отражается в явно противоречивых желаниях и ожиданиях жителей. С одной стороны, происходит устойчивая и последовательная «макдоналдизация» городской среды (термин, придуманный и впервые использованный Джорджем Ритцером)¹⁹ с ее подавляющей тенденцией к стандартизации и установлению тоскливого единообразия. Независимо от движущих сил этого процесса, восторженный прием его результатов потребителями лишь подстегивает его развитие. Жителям городов, в которых все привычное привычно же разрушается и в которых нет ничего примечательного, такой поток бесконечных изменений едва ли может чем-то повредить, так как они просто желают комфорта предсказуемости и упорядоченности, а рестораны *MacDonald's* вместе с быстро растущей армией подражателей обещают — и обеспечивают — островки того и другого. В конце концов, здесь можно почувствовать себя спокойно в знакомой среде: можно быть уверенным, что каждый получит то, чего он хочет и ждет. Чем менее предсказуема большая городская сцена, тем выше ценность микрообластей, вроде ресторанов *MacDonald's*, кафе *Starbucks* или закусочных *Steak House* и *Pizza Hut*, которые приносят долгожданное избавление от сбивающей с толку и приводящей в замешательство новизны.

Прибавочная польза «макдоналдизации» состоит в удовлетворении потребности путешествующих по миру деловых людей в — хотя бы редко — расслаблении и успокоении и активных туристов, которые, при всей своей жажде к разнообразию мест, не хотят, чтобы места менялись слишком сильно и стремятся найти знакомый оазис в чужой и потому требующей бдительности среде. Сеть гостиниц *Holiday Inn*, предназначенная в основном для глобальных деловых людей, не обещает своим клиентам ничего неожиданного, тогда как туристические курорты, нацеленные на массового потребителя, «предлагают большой выбор рутинизированных действий во взаимозаменяемой экзотической обстановке, где гость может остановиться, не испытывая никакой необходимости в совершении вылазок в незнакомую и непредсказуемую среду местной жизни на тропическом острове».²⁰

¹⁹ See George Ritzer, *The MacDonaldisation of Society*, Pine Forge Press 1993).

²⁰ John Hannigan, *Fantasy City: Pleasure and Profit in the Postmodern Metropolis*, Routledge 1998, p.82.

С почти полной утратой надежд на упорядоченный, прозрачный и предсказуемый «идеальный город», утопическая тоска по глубоко человеческой среде обитания, которая сочетала бы в себе интригующее разнообразие с безопасностью, не ставя под угрозу ни один из этих необходимых компонентов счастья, перетекла на меньшие и потому более достижимые и реалистичные цели. Вместо того чтобы пытаться преобразовать улицу, нужно оградить себя от ее угроз, скрыться в убежище и захлопнуть за собой дверь. Цепочки тонко, но широко распространенных миниутопий, включенных в реальность, представляют собой «второе лучшее», замену большой утопии (которая всегда находится в вечном конфликте с реальностью, отказывающейся прогибаться под нее) «для бедных».

Магическая смесь безопасности и приключения — надзора и свободы, рутины и неожиданности, сходства и разнообразия — обнаруживается в этом архипелаге заранее созданных островков продуманного до мелочей порядка, которые только и способны его обеспечить. Стремление к поиску таких пристанищ имеет странное свойство питаться самим собой: именно потому, что все усилия по такому поиску сосредотачиваются на подобных оазисах, мир между ними начинает все больше выглядеть и восприниматься как пустыня. И все же пустыни — это неоднозначные места: они служат материалом, который порождает романтические мечты, но также прозаичные страхи. В отличие от самих оазисов, внутри которых все предопределено, предписано, застраховано от несчастных случаев и защищено гарантией возврата денег, мир в промежутке между островками безопасных приключений — широкие проспекты и узкие улочки города повседневной жизни, его просторные и суматошные площади, светлые и темные переходы, близкие и далекие кварталы — соблазняет обещанием азартной игры: волнующие приключения и страшные опасности, смешанные в пропорциях, которые не может просчитать ни один горожанин, и появляющиеся в последовательности, которую он не может предугадать. Незведанные и непознанные приключения в городе манят, а неизведанные и непознанные опасности — отталкивают.

Джон Ханниган недавно проследил извилистый путь недавней истории американских городов. Из его исследования можно узнать, что неожиданно возникший у жителей крупных американских городов во второй половине XX века страх перед преступлениями, совершаемыми в темных закоулках бедных районов, привел к «бегству белых» из центра города, хотя всего за несколько лет до этого такие районы притягивали к себе толпы людей, жаждущих массовых развлечений, какие могли предложить только центры крупных городов, в отличие от других, менее заселенных городских районов. Независимо от того, имелись ли у этого страха перед преступлениями веские основания или же внезапный скачок преступности был плодом большого воображения, в результате центры городов опустели и были заброшены, по-

сколько «многочисленные любители удовольствий стали все чаще считать города опасными местами». Об одном из таких городов, Детройте, в 1989 году другой автор заметил, что его «улицы с наступлением темноты становились такими безлюдными, что город начинал выглядеть таким же призрачным, как и Вашингтон, округ Колумбия, столица страны». ²¹ Ханниган заметил, что в конце XX века появилась противоположная тенденция. После многих «тощих лет» паники в духе «не вздумайте показываться вечером на улице!» и ее «опустошающего» воздействия на города старейшины американских городов в союзе с рекламщиками попытались вновь сделать городские центры притягательными для проведения досуга, поскольку «развлечения вернулись в центр города», а «путешественники из пригородов» начали возвращаться в центры городов в надежде найти в них нечто «волнующее и безопасное, чего они не могли получить в пригородах». ²²

По общему признанию, такие резкие, невротические повороты в жизни городов в Соединенных Штатах, с их давними гнойниками, постепенно созревающими и иногда прорывающимися наружу в виде антагонизмов и борьбы, кажутся более яркими и неожиданными, чем в других местах, где расовые конфликты и предрассудки не раздувают тлеющие угли чувств неопределенности и растерянности. В несколько более легкой, менее выраженной форме амбивалентность притяжения и отталкивания и чередования страсти к жизни большого города и отвращения к ней характерна также для недавней истории многих, возможно, большинства европейских городов.

Миксофилия и миксофобия, или Установочная антиномия городской жизни

Что бы ни происходило с городами в их истории и какими бы глубокими ни выглядели перемены в их пространственной структуре, облике и стиле за годы и столетия, одно остается неизменным: города — это места, в которых незнакомцы останавливаются и движутся в непосредственной близости друг к другу. Будучи неизменной составляющей городской жизни, повсеместное присутствие незнакомцев в пределах видимости и досягаемости лишь увеличивает глубокую неопределенность всех жизненных устремлений горожан; это присутствие, избежать которого можно лишь ненадолго, служит неиссякаемым источником тревоги и обычно дремлющей, но иногда все же прорывающейся наружу агрессивности. Вечный, хотя и бессознательный, страх перед неизвестностью отчаянно ищет отдушину. Накопленные страхи обычно разряжаются на избранной категории «чужаков», которые начинают служить олицетворением всего «незнакомого». Изгнание их из до-

²¹ B.J. Widick, *Detroit: City of Race and Class Violence*, Wayne State UP 1989, p. 210.

²² *Fantasy City*, pp. 43, 51.

мов и магазинов на какое-то время позволяет изгнать призрак неопределенности. Так сжигается образ страшного чудища. В надежде сделать более прочным шаткое, переменчивое и непредсказуемое существование старательно возводятся пограничные барьеры против «ложных беженцев» и экономических мигрантов. Но жизнь в эпоху текучей современности обречена оставаться переменчивой и капризной, и потому облегчение оказывается только временным, а надежды, возлагаемые на «жесткие и решительные меры», рушатся так же скоро, как и появляются.

Незнакомец — это, по определению, агент, движимый намерениями, которые, в лучшем случае, можно только предугадать, но никогда нельзя знать наверняка. Незнакомец — это неизвестная переменная во всех уравнениях, связанных с принятием решений о том, что следует сделать и как следует поступить; и потому, даже если они не ведут себя агрессивно или назойливо, простое принятие в расчет незнакомцев при совершении действий вызывает дискомфорт, так как это присутствие осложняет предсказание последствий действия и вероятности его успеха или провала. Разделение пространства с незнакомцами и проживание в нежеланной, но все же неизбежной близости с ними служит условием, которое городские жители считают неприятным, хотя и неизбежным. Близость незнакомцев — это их судьба, и приходится пытаться искать — надеемся, находить — *modus vivendi*, который делает общежитие с ними приятным, а жизнь — вполне приемлемой. Эта потребность является «данностью», которой невозможно избежать; но форма удовлетворения этой потребности — это вопрос выбора. И этот выбор совершается ежедневно — обдуманно или бездумно, в результате осознанного решения или слепого и механического следования заведенному порядку, вследствие совместного и всестороннего обсуждения или по наитию, при помощи модных сегодня или якобы проверенных средств.

Тереза Калдеира пишет о Сан-Пауло, огромном и быстро растущем бразильском городе: «Сан-Пауло сегодня — это город стен. Физические преграды возводятся повсюду — вокруг зданий, жилых домов, парков, площадей, офисных зданий и школ... Новая эстетика безопасности создает все новые типы сооружений и навязывает новую логику наблюдения и дистанции...».²³ Каждый, кто может себе это позволить, покупает квартиру в «кондоминиуме», чтобы создать уединенное жилище, физически находящееся внутри города, но социально и духовно — вне его. «Предполагается, что закрытые сообщества должны быть отдельными мирами. В их рекламных объявлениях предлагается целый “образ жизни”, способный служить альтернативой качеству жизни, предлагаемому городом и его распадающимся публичным про-

²³ Teresa Caldeira, 'Fortified Enclaves: The new Urban Segregation', in *Public Culture* 1996, pp.303–28.

странством». Наиболее очевидной чертой кондоминиума является его «изолированность и дистанцированность от города. Изолированность означает обособление от тех, кого считают стоящими ниже на социальной лестнице», а застройщики и агенты по недвижимости утверждают, что «они гарантируют главное: безопасность. Это означает наличие заборов и стен, окружающих кондоминиум, охранников, круглосуточно несущих свою вахту на входах, и множество удобств и услуг» для того, чтобы «не пускать других».

Как известно, у заборов всегда две стороны... Заборы делят однородное пространство на «внутреннюю» и «внешнюю» часть, но то, что является «внутренним» для тех, кто находится по одну сторону забора, является «внешним» для тех, кто живет по другую. Жители кондоминиумов избегают неприятной, суматошной и грубой «внешней» жизни города во «внутреннем» оазисе покоя и безопасности. При этом они ограждают всех остальных от приличных и безопасных мест, стандарты которых они готовы и желают поддерживать, на тех же жалких и запущенных улицах, от которых они всеми силами пытаются отгородиться. Забор отделяет «добровольное гетто» от множества вынужденных. Для жителей добровольного гетто, другие гетто — это места, «в которые мы — по своей воле — ни ногой». Для тех, кто живет внутри гетто, которое они не выбирали, область, которой они ограничены, — это пространство, «из которого нам не выбраться».

В Сан-Пауло (и Рио-де-Жанейро, второй по величине городской агломерации Бразилии, не сильно отстающей от первой) тенденции к сегрегации и закрытости проявляются в самом грубом, непристойном и бесстыдном виде, но их воздействие проявляется, пусть и не так наглядно, в большинстве крупных городов. Парадоксальным образом, города, изначально создававшиеся для того, чтобы обеспечить безопасность всем их жителям, сегодня чаще связаны с опасностью, чем с безопасностью. Как отмечает Нэн Эллин,²⁴ «фактор страха [при создании и реконструкции городов. — З.Б.] явно возрос, как показывает рост числа охраняемых гаражей и систем безопасности в домах, популярность “закрытых” и “безопасных” сообществ среди всех социальных групп, независимо от возраста и размера дохода, и рост видеонаблюдения за общественными местами, не говоря уже о бесконечных воплях об опасности, раздающихся из средств массовой информации». Когда речь заходит о достоинствах или недостатках конкретного места жительства, рассматриваются, прежде всего, реальные и мнимые угрозы телу и собственности индивида. Они также занимают верхнюю строчку в маркетинговой политике торговцев недвижимостью. Неопределенность будущего, непрочность социального положения и экзистенциальная неуверенность, неизмен-

²⁴ Nan Ellin, 'Shelter from the Storm, or Form Follows Fear and Vice Versa', in: Nan Ellin (ed.), *Architecture of Fear*, Princeton Architectural Press 1997, pp.13, 26.

ные спутники жизни в мире «текучей современности», происходящие из других, отдаленных мест и потому остающиеся за пределами индивидуального контроля, обычно сосредотачиваются на ближайших целях и выливаются в озабоченность личной безопасностью — озабоченность, которая, в свою очередь, выливается в стремление к сегрегации и закрытости, неумолимо ведущему к войнам в городском пространстве.

Как можно узнать из проницательного исследования молодого американского архитектурного критика/урбаниста Стивена Фласти,²⁵ обслуживание этой войны и особенно поиск способов отказа противникам — нынешним и потенциальным — в доступе к заданному пространству и удержания их на безопасном расстоянии от него составляет наиболее очевидную и приковывающую к себе все больше внимания проблему архитектурного обновления и городского развития в американских городах. Новые, гордо рекламируемые и приводящие к появлению множества подражателей и продолжателей здания представляют собой «ограничительные пространства», «призванные перехватывать, отталкивать или фильтровать потенциальных пользователей». Очевидно, что цель «оградительных пространств» состоит в том, чтобы разделять, сегрегировать и исключать, а не в том, чтобы наводить мосты, создавать простые переходы и площади, облегчать коммуникацию и иначе сближать городских жителей. Архитектурные/урбанистические изобретения, выделенные, перечисленные и поименованные Фласти, технически представляют собой усовершенствованные эквиваленты досовременных рвов, башен и амбразур в городских стенах; только вместо защиты города и всех его обитателей от внешнего врага, они построены для того, чтобы разделять городских жителей и, объявляя их противниками, защищать их друг от друга. Среди изобретений, описанных Фласти, можно назвать «изворотливое пространство» — «пространство, к которому невозможно приблизиться, подходы к нему оказываются запутанными, затянутыми или обманчивыми»; «колючее пространство» — «пространство, комфортное пребывание в котором невозможно, оснащенное такими штуками, как разбрызгиватели, приводимыми в действие с тем, чтобы прогнать праздношатающихся, или выступами, не позволяющими присесть»; и «неспокойное пространство» — «пространство, в котором невозможно уединиться из-за того, что в нем постоянно появляются патрульные или в нем используются технологии удаленного наблюдения систем безопасности». Эти и другие виды оградительных пространств преследуют одну-единственную цель: выделение экстратерриториальных анклавов из непрерывной городской территории — возведение внутри них небольших крепостей, которые позволяют представителям надтерриториальной глобальной элиты холить и лелеять свою физиче-

²⁵ Steven Flusty, 'Building Paranoia', in: *Architecture of Fear*, pp.48–52.

скую независимость и духовную обособленность от конкретной местности. В ландшафте города они становятся точками распада связанной с этой местностью общественной жизни.

Явления, описанные Стивеном Фласти, представляют собой высокотехнологичное отражение повсеместной миксофобии, наиболее распространенной реакции на поразительное и в то же время ужасающее разнообразие человеческих типов и образов жизни, встречающихся на улицах современных городов и в «самых обычных» (читай: незащищенных «оградительными пространствами») жилых районах. Поскольку с наступлением эпохи глобализации многоголосие и пестрота городской среды, скорее всего, только усилятся, напряженность, возникающая в результате неизбежного незнакомства со средой, вероятно, еще больше подстегнет сегрегационистские позы.

Удовлетворение таких позывов способно (на время) ослабить растущую напряженность. Эти сбивающие с толку и приводящие в замешательство различия могут быть недостижимыми и неподатливыми, но, возможно, положение удастся облегчить, выделив для каждой формы жизни свое отдельное, открытое и одновременно закрытое, четко обозначенное и хорошо охраняемое физическое пространство... Помимо этого радикального решения, возможно, удастся обеспечить, по крайней мере, для себя, для своих друзей, знакомых и родни территорию, свободную от беспорядка и неразберихи, которые неизбежно поражают другие городские районы.

«Миксофобия» проявляется в стремлении к островкам подобия и сходства посреди моря разнообразия и различия. Можно сказать, что корни миксофобии вполне банальны — их совсем нетрудно опознать, несложно понять, хотя и не всегда легко простить. Как утверждает Ричард Сеннет, «чувство “мы”, которое выражается в желании быть схожим, позволяет людям избегать глубокого знакомства друг с другом».²⁶ Оно обещает, если можно так выразиться, некоторый духовный комфорт: близости проще достичь, отказавшись от попыток понимания, притирки и уступок, которых требует жизнь с различиями. «Процессу формирования четкого образа сообщества свойственно желание избежать действительного участия. Чувство общих уз без общего опыта возникает, прежде всего, из-за того, что люди боятся участия, боятся его опасностей и вызовов, боятся его боли». Стремление к «сообществу схожих» является признаком ухода не только от инаковости вовне, но также от живой, хотя и беспокойной, вовлеченности в сложное взаимодействие внутри. Привлекательность «сообщества одинаковых» — это привлекательность страховки от рисков, которыми полна повседневная жизнь в многоголосом мире. Это не уменьшает и, конечно, не упраздняет риски. Как и все паллиативы,

²⁶ Richard Sennett, *The Uses of Disorder: Personal Identity and City Life*, Faber & Faber 1996, p. 39, 42.

такое сообщество обещает защиту от некоторых наиболее непосредственных и наиболее пугающих последствий.

Выбор бегства, предлагаемый миксофобией, имеет свои коварные и вредные последствия: чем больший упор делается на такую стратегию и чем большая поддержка ей оказывается, тем менее эффективной она становится. Сеннет объясняет, почему это так — и должно быть так, — на следующем примере: «рост американских городов на протяжении последних двух десятилетий происходил таким образом, что этнические области стали сравнительно однородными; неслучайно, что страх перед чужаками также вырос настолько, что эти этнические сообщества оказались отрезанными от остальных». ²⁷ Чем больше времени люди проводят в однородной среде — компании «таких, как они», с кем они могут небрежно и легко болтать без риска недопонимания и без неприятной необходимости осуществлять перевод между различными мирами смыслов, — тем скорее они «разучатся» искусству достижения взаимопонимания и утратят *modus covivendi*.

Поскольку они забывают навыки, необходимые для жизни с различием, или не собираются ими овладеть, не удивительно, что перспектива встречи с незнакомцами вызывает у таких людей все большие опасения. Незнакомцы начинают казаться все более пугающими, так как они становятся все более чужими, непривычными и непостижимыми и поскольку взаимное общение, которое, в конечном итоге, могло бы позволить ассимилировать их «инаковость» к собственному жизненному миру, исчезает или так и не возникает. Стремление к однородной, территориально обособленной среде может быть вызвано миксофобией, но практика территориального разделения служит спасательным жилетом и поставщиком пищи для миксофобии.

В то же время миксофобия не единственная воюющая сторона на этом городском поле битвы. Как известно, жизнь в городе — это амбивалентный опыт. Он притягивает и отталкивает, но также делает положение жителя города более сложным; именно эти аспекты городской жизни время от времени или одновременно притягивают и отталкивают... Ошеломительное разнообразие городской среды служит источником страха (особенно для тех из нас, кто уже «заблудился», оказавшись в состоянии крайней неопределенности вследствие действия дестабилизирующих процессов глобализации). То же калейдоскопическое мерцание и мелькание городского пейзажа, всегда таящего в себе что-то новое и неожиданное, обладает своим очарованием и соблазнительностью, устоять перед которыми не так-то просто.

Поэтому столкновение с бесконечным и неизменно блистательным зрелищем города никогда не переживается однозначно как бич и проклятие, а защита от него никогда не воспринимается как безусловное благо. Город способствует развитию миксофилии точно так же, как

²⁷ *Ibid.*, p.194.

и миксофобии, причем делает это одновременно. Городская жизнь по самой своей сути неизбежно двусмысленна. Чем крупнее и разнообразнее город, тем больше соблазнов может он предложить. Массовое сосредоточение незнакомцев — это, одновременно, самая отталкивающая и самая притягательная вещь, благодаря которой в городе постоянно появляются новые когорты мужчин и женщин, уставших от монотонности жизни в деревнях или небольших городах, сытых по горло рутинной и бегущих от безысходности. Разнообразие обещает множество различных возможностей, отвечающих всем навыкам и вкусам, и чем более крупным будет такой город, тем выше будет вероятность того, что он привлечет к себе большее число людей, отказавшихся от ограниченных возможностей, предлагаемых не такими крупными и, следовательно, куда менее терпимыми к индивидуальности местами. Кажется, что миксофилия, как и миксофобия, является саморазвивающейся, самоподдерживающейся и самоподстегивающейся тенденцией. Миксофобия и миксофилия сосуществуют в каждом городе, но они также сосуществуют в каждом из жителей города. И это неудобное сосуществование, полное шума и ярости, очень важно для людей, сталкивающихся с амбивалентностью текучей современности.

Выход из порочного круга?

Поскольку незнакомцы вынуждены жить в компании друг друга, независимо от изгибов и поворотов городской истории, искусство мирной и счастливой жизни с различием и извлечения пользы из многочисленных стимулов и возможностей, предлагаемых городской сценой, приобретает особую важность среди навыков, которых требует жизнь горожанина. Даже если полное искоренение миксофобии невозможно, принимая во внимание рост мобильности людей в эпоху текучей современности и ускорение изменений в актерском составе, сюжетах и декорациях на городской сцене, возможно, все же удастся сделать что-то, чтобы повлиять на пропорции, в которых смешиваются миксофилия и миксофобия, и сократить приводящее в замешательство и вызывающее тревогу и мучения воздействие миксофобии.

Архитекторы и специалисты по городскому планированию способны многое сделать для того, чтобы увеличить миксофилию и минимизировать случаи миксофобских ответов на вызовы городской жизни. И они могут сделать и делают многое для достижения противоположного эффекта. Как уже было показано ранее, сегрегация жилых районов и общественных мест, коммерчески привлекательная для застройщиков и способствующая закреплению страхов, на самом деле служит главной причиной миксофобии. Решения, если можно так выразиться, сами создают проблемы, которые они должны решать: строители закрытых сообществ и тщательно охраняемых кондоминиумов и архитекторы «огражденных пространств» создают, воспроизводят и усили-

вают потребность, которую, по их утверждениям, они удовлетворяют. Миксофобская паранойя питается сама собой и, в сущности, является самоисполняющимся пророчеством. Когда в качестве радикального лекарства от угрозы, которую представляют незнакомцы, предлагается — и принимается — сегрегация, жить вместе с незнакомцами становится еще сложнее. Гомогенизация жилых кварталов, а затем сокращение до неизбежного минимума всей торговли и коммуникации между ними — верное средство поддержания сильного и глубокого стремления к сегрегации и исключению. Такая мера может помочь ослабить боль людей, страдающих от миксофобии, но лекарство само является патогенным и усугубляет недуг, вследствие чего для поддержания боли на терпимо низком уровне нужны все новые и все более сильные дозы лекарства. Социальная однородность пространства, подчеркиваемая и усиливаемая пространственной сегрегацией снижает у жителей терпимость к различиям и умножает случаи миксофобских реакций, делая облик городской жизни более «опасным» и оттого еще более тягостным, вместо того, чтобы помочь людям почувствовать себя более уверенно и оттого спокойно.

Куда более полезным для укрепления и воспитания миксофильских чувств было бы принятие противоположной архитектурной и градостроительной стратегия: распространение открытых и гостеприимных общественных пространств, которые всем категориям горожан хотелось бы регулярно посещать и сознательно/охотно совместно использовать. Как прекрасно показал Ханс-Георг Гадамер в своей работе «Истина и метод», взаимопонимание обусловлено «слиянием горизонтов», познавательных горизонтов, то есть горизонтов, которые продлеваются и расширяются по мере накопления жизненного опыта. «Слияние», которого требует взаимопонимание, может быть только результатом общего опыта, а общий опыт невозможно представить без общего пространства. Словно в эмпирическое подтверждение гипотезы Гадамера, пространства, предназначенные для личных встреч (или просто для пребывания в привычном окружении: ужины в одних и тех же ресторанах, выпивка в одних и тех же барах) между путешествующими бизнесменами и другими членами слоняющейся по миру элиты или «глобального правящего класса» (вроде глобальных сетей транснациональных гостиниц и конференц-центров), играют решающую роль в интеграции этой элиты, несмотря на культурные, языковые, религиозные, идеологические или любые другие различия, которые могут разделять ее и препятствовать развитию чувства общей принадлежности. На самом деле развитие взаимопонимания и общего жизненного опыта, необходимого для такого понимания, позволяют понять, отчего бизнесмены или ученые не перестают путешествовать, приезжать друг к другу и встречаться на конференциях. Если бы коммуникацию можно было свести к передаче информации, обходясь без «слияния горизонтов», то в нашу эпоху «всемирной паутины» и «ин-

тернета» физический контакт и (пусть даже временное и неустойчивое) пространство общего опыта стало бы избыточным. Но это не так и нет никаких свидетельств того, что это будет так.

Можно повторить еще раз: архитекторы и специалисты по городскому планированию вполне способны изменить баланс между миксофобией и миксофилией в пользу последней (а также — осознанно или нет — способствовать его изменению в противоположном направлении). Но, действуя в одиночку и опираясь исключительно на собственные силы, они могут достичь только ограниченных результатов. Корни миксофобии, аллергической, лихорадочной чувствительности к незнакомцам и незнакомому лежат за пределами досягаемости архитекторов или специалистов по городскому планированию. Эти корни глубоко уходят в экзистенциальное состояние современного человека, рождающегося и воспитываемого в дерегулированном, индивидуализированном текущем мире ускоренных и диффузных изменений, — а форма и облик городских улиц и использование городского пространства, при всей своей важности для качества повседневной жизни, являются лишь некоторыми и необязательно главными среди множества факторов, которые вызывают такую дестабилизацию, неуверенность и тревогу. Больше, чем что-либо другое, миксофобские чувства вызываются и питаются глубоким чувством неуверенности. А неуверенные люди, не имеющие уверенности касательно своего места в мире, своих жизненных перспектив и последствий собственных действий, наиболее уязвимы для миксофобских соблазнов и вероятнее всего попадутся в такую ловушку. Эта ловушка состоит в отделении страха от его истинных источников и выплескивании его на объекты, с ними не связанные. В результате, многие люди виктимизируются (или ожидают своей виктимизации), а источники страданий никуда не исчезают.

Отсюда следует, что неприятности, которые преследуют современные города, не могут быть разрешены путем реформирования самого города, какой бы радикальной ни была такая реформа. Здесь, повторюсь, невозможны локальные решения глобальных проблем. «Безопасность», которую предлагают городские застройщики, неспособна ослабить, не говоря уже о том, чтобы искоренить, экзистенциальную неуверенность, подстегиваемую ежедневно текучестью трудовых рынков, хрупкость ценности, приписываемой приобретенным или в настоящее время осваиваемым навыкам и компетенциям, или непрочность и предполагаемую скоротечность человеческих обязательств и товариществ. Реформа экзистенциального состояния должна предшествовать реформе города и определять ее успех. Без этой реформы попытки города преодолеть или детоксифицировать миксофильское давление обречены будут оставаться паллиативами, а еще чаще просто плацебо.

Об этом нужно помнить — не для того, чтобы девальвировать или принизить различие между хорошей и плохой архитектурой или пра-

вильным или неправильным городским планированием, которое нередко бывает очень важным для качества жизни горожан, а для того, чтобы прийти к перспективе, которая учитывает все факторы, важные для совершения правильного выбора и принятия правильного решения.

Современные города — это свалки деформированных продуктов общества текущей современности (хотя, конечно, они и сами создают немало мусора). Не существует городо-центричных, не говоря уже об исключительно городских, решений системных противоречий и сбоев; и, несмотря на плодотворную и похвальную работу воображения архитекторов, мэров городов и муниципальных советников, они не могут быть найдены. Проблемы нужно решать там, где они возникают, и городское пространство страдает от проблем, рожденных в другом месте, которые слишком значительны, чтобы их можно было решить инструментами, имеющимися в распоряжении даже у самых крупных городов. Эти пространства недостижимы даже для суверенных действий национального государства, которое является самой широкой демократической сценой, изобретенной и претворенной в жизнь в современную эпоху. Эти пространства глобальны и становятся все более глобальными; и до сих пор мы не приблизились к изобретению, не говоря уже о применении, средств демократического контроля, соответствующих по своей величине и потенциалу силам, которые требуют сдерживания.

Это, несомненно, долгосрочная задача, задача, которая требует намного большей мыслительной (и не только) работы и терпения, чем любая реформа городского планирования и архитектурной эстетики. Но это не означает, что такую реформаторскую деятельность нужно на время приостановить, пока мы не разберемся с источниками проблемы и не установим контроль над необузданными тенденциями глобализации. Скорее, верно обратное. Город — это свалка страхов и опасений, порождаемых глобально вызванной неуверенностью и неопределенностью; но город — это также учебная площадка, на которой могут быть опробованы и, в конечном итоге, освоены и применены средства ограничения и преодоления этой неуверенности и неопределенности. Именно в городе незнакомцы, которые в глобальном пространстве противостоят друг другу как враждебные государства, недружественные цивилизации или военные противники, встречаются как отдельные индивиды, наблюдают друг друга в кварталах, разговаривают друг с другом, учатся друг у друга, приходят к общим правилам жизни, налаживают сотрудничество и рано или поздно привыкают к присутствию друг друга и все чаще находят удовольствие в общей компании. После такой локальной подготовки незнакомцы могут перестать вызывать такие тревогу и страх, когда дело дойдет до решения глобальных проблем: несовместимые цивилизации могут оказаться не такими уж несовместимыми, взаимная враждебность не такой

уж глубокой, как казалось. К тому же, бряцанье оружием — это явно не единственный и не самый лучший способ разрешения взаимных конфликтов. Гадамеровское «слияние горизонтов» представляется намного более реалистичным проектом, если осуществлять его на улицах городов (даже путем проб и ошибок, но со смешанным успехом), нежели накопление оружия сдерживания и создание запасов оружия наказания в надежде привести «врагов» в чувство и держать их в узде.

Как и в случае по-настоящему глубоких, рубежных преобразований человеческого состояния, борьба с новой глобальной ситуацией, особенно эффективная борьба, потребует времени. И, как и в случае всех этих преобразований, невозможно (и крайне нецелесообразно пытаться) помешать истории и предсказать — даже в общих чертах форму, которую она примет, и «успокоение», к которому оно, в конечном итоге, приведет. Но такое противостояние возникнет. Оно, вероятно, станет главной проблемой и займет большую часть истории нового столетия.

Драма будет разыгрываться и разворачиваться в обоих пространствах — и на глобальной, и на локальной сценах. Развязка этих двух произведений-сцен будет тесно взаимосвязана и зависима от того, насколько глубоко авторы сценария и актеры каждого произведения знают об этой связи и с тем, насколько они умеют и насколько готовы внести свой вклад в успех другого произведения.

Перевод с английского Артема Смирнова